

ЯЗЫКИ СИБИРИ

УДК 8:811.533

М. В. Филимонов

ЕНИСЕЙСКИЕ ИНГРЕДИЕНТЫ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО И ФОНОЛОГИЧЕСКОГО ДИАГНОСТИРОВАНИЯ

Анализируются случаи полной этимологической раскрываемости прауральских, прафинноугорских, прафиннопермских, прафинноволжских и праугорских слов (морфологических дериватов и композитов) на енисейском языковом материале. Автор также рассматривает случаи грамматического и лексического дуплетизма, усложненного дуплетизма, аналогового грамматического образования с этимологическим чередованием суффиксов, а также случаи аналоговых семантических композитов и морфологических дериватов. Сделан ряд наблюдений на уровне параллельной протоязыковой фонологии. Автор высказывает ряд соображений о древнейших енисейско-уральских языковых союзах.

Ключевые слова: *этимология, дуплетизм, чередование суффиксов, протоязык, параллельный протоязык, аналоговое словообразование, деривация.*

Данная работа автора является продолжением целой серии публикаций, вышедших ранее [1–5]. В статье используются авторские ПЕ реконструкции, учитываются также материалы этимологических словарей С. А. Старостина [6] и Г. К. Вернера [7]. Уральский материал берется из этимологического словаря К. Редди [8], самодийский – из словаря Ю. Янхунена [9]. Автор часто использует свои собственные праенисейские морфологические реконструкции [10–11]. В работе рассматривается материал по взаимодействию ПЕ с У, ФУ, ФП, ФВ праязыками. По техническим причинам для отражения уральского материала используются знаки: (я) – неустановленный гласный переднего ряда, (у) – неустановленный гласный заднего ряда, (з) – неустановленный гласный. Знак (у) в енисейских материалах обозначает звук среднезаднего ряда высокого подъема (типа русского (ы)), знаки (?) и (!-) – особые гортанные звуки (как в «хэмза» и «айна»), (:) после гласного – долгота звука.

Обычно в компаративистике при установлении родства сравниваемых языков или заимствований сравнение идет по принципу структурного тождества морфем (лексических и грамматических) и производных слов, имеющих этимологически связанные корневые и морфологические компоненты. По этой методике, например, выполнена работа А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской [12].

Изучение енисейских ингредиентов в уральских языках дает более сложные случаи корреляции этимологического материала. Установлены следующие типы случаев древних енисейско-уральских лексических общностей:

I. Прямые лексические корреляции в уральских языках и в ПЕ.

1. ФУ *koje/koja* «червь, моль» – ПЕ *koj* «червь» в кот. *hoi*, мн. ч. *hop* «червь». Этот же корень в кот. *onhoj*, ар. *ankaj* «змея» и в этнониме Кай (этот народ с Енисея участвовал в тюркешском союзе, имел тамгу в виде змеи). Народ Кай исторически был, скорее всего, ариноязычным.

2. У *riɟ* «ладонь» – ПЕ *biʔŋ* «рука (кисть)» (в юг.).

3. Уг. *ɟaʔʒe* «сало», «жир» – ПЕ *ɟaʔʒi* «жирный», *ɟaʔʒi-si* «жирное» (пред. форма, *si* – ПЕ безличный пред. суф.).

4. У *kosʒe/koʒe* «длинный» – ПЕ *kucsi* «другой, второй (из двух)». ПЕ слово явно восходит к лексеме со значением «тот, дальний» (средняя степень удаленности), восходящей к **kuc* «там» (дальше, чем кет. *kiç* «здесь», но ближе, чем кет. *kas* «там»), ср. еще ПЕ *ku/gu* «ты, он» (явно из «тот (подальше)»).

5. У *ɟakʒa* «шишка, вздутие, нарост (на деревьях и т. д.)» (в ПС *ɟakta*) – ПЕ *bəksej* «шишка», «прыщ».

Примеры 3 и 4 можно включить в раздел III (случаи этимологической раскрываемости уральской лексики на енисейском материале).

II. Случаи, когда на слово из ПЕ наращен суффикс в слове из уральских языков: подобное есть в енис. языках, ср. кет. *tu:t*, юг. *tyt* «мошка, муравей» при кот. *al-thitega* «муравей» (*ga* – редкий суф. мн. ч., *al* – преф. родовой принадлежности, совокупности из ПЕ *aʔi* «половина, род»). Чаще всего наличие/отсутствие бывает с суффиксами мн. ч., освоенного пространства/вместилища, пред. суффиксами.

6. ПЕ ta:s – суф. «вместилища/освоенного пространства» – ФП талькз «обух топора, ножа».

7. У jotka «середина, промежутки, центр» – ПЕ !ot «очаг, освоенное пространство», шум. udun «очаг».

8. ФУ ruŋka «опухоль, шишка» – ПЕ ru?ŋ/rə?ŋ «опухоль, опухать».

9. У utka «след, отпечаток» – ПЕ ut «идти, двигаться, хотеть».

10. У ruŋka «рукоятка, захват, зажим» – ПЕ ru?ŋ/ka «рука» в кет. hL?ŋ, ар. rŋaga «рука». В 6–10 явно наращен суф. освоенного пространства/вместилища ka/ga.

11. ПЕ to?t «таймень» – У totke «линь».

12. ФУ ulke, ПЕ ul «тело, ствол, рукоятка».

13. ФВ olke «солома, стебель» – ПЕ ul «прут, сук, стебель».

14. У (саам, сам.) wajŋe «душа, дыхание» – ПЕ bej/baj «ветер, дуновение, дыхание, душа».

15. ФВ gine «снег, иней» – ПЕ aə? «иней (на деревьях)».

16. ФП antz/ontz «молодая трава, поросль, ветка, дерн, трава» – ПЕ o?n «луга», «заливные места», «трава» (в топонимах). В 11, 13–16 наращены суффиксы мн. ч. «n», «ŋ», «ka», «tə» в уральских словах.

17. У siŋz/səŋz «чистый» – ПЕ si «чистый», -жз из ПЕ si – безличный пред. суф.

18. У tiŋd «узкий, тугой» – ПЕ ti «близкий, вблизи» (дейктическая основа).

19. У ruŋka «толстый» (в ФВ «много») – ПЕ bə?l', шум. buluŋ «толстый», ПЕ bələŋ «особенно». В 18 и 19 наращен редкий пред. суф. -ja в уральском материале.

20. ФУ kawka «длинный» – ПЕ ka «тот (дальний)», ПЕ kə? «в той стороне». Имело место развитие «?» в «w».

21. ФП ulkz «внешний вид; удаленный, далекий, обширный, широкий» – ПЕ ul «вовне, вдаль, дальний, большой». В 20 и 21 наращен пред. суф. ka/ga в уральском материале.

22. ФВ žilz-mz «клык» – ПЕ iel «мамонт». Переходное значение «бивень, слоновая кость» – ценный объект товарообмена в древности.

III. Случаи, когда этимология уральского слова полностью раскрывается из енисейских языков: оба компонента в уральских языках не встречаются.

23. ФП oŋkz «долина, низина, русло реки» – ПЕ?uŋ «вода, влага, мокрый», «река» (судя по гидронимам, чередование o/u – обычно в енисейских языках) + ПЕ ka/ga – суф. вместилища, локатива.

24. ФП kdtkе «люлька» – ПЕ kə?t «дети» + ka/ga – суф. вместилища.

25. У љдљкд «выдра» – ПЕ ses «речка» + ka/ga – пред. суф.

26. ФУ dktz «бить, резать, косить» – ПЕ əqə «острие, острый» + ПЕ da «ставить, делать».

27. ФУ akta «вешать, устанавливать» – ПЕ ak/aq «верхний, высокий» + ПЕ da «ставить, делать».

28. ФВ kaŋla «плечо, подмышка» – ПЕ qəŋ «рука» (сург. quŋ) + ПЕ lə? «пузырь, оболочка, вместилище» в ар. kur-lo «роса», kur «вода»; кет. la-un «бочка», ПЕ un «вода, лить, мокрый, грязный, пачкаться».

29. ФУ tajwe «область» – ПЕ taj «верхний, высокий, верховье, исток, родник» + ПЕ ba – суф. освоенного пространства (из *wa), ср. кет. atet-ba «кузница» при atet «ковать».

30. ФУ tdlwd «зима» – ТЕ tə?əŋ «холод, мерзнуть, зябнуть» + wa/wə (в ПЕ ba) – суф. освоенного пространства.

31. У owe «дверь» – ПЕ o: – суф. инструментального падежа (мог развиться из семантики «через, сквозь, посредством и т. д.») + we (ПЕ ba) – суф. освоенного пространства.

32. У oŋwa «голова» – ПЕ u-j «длинный, дальний, верхний, высокий» («j» – суф. прилагательных), Ш u «верхний, высокий, верх», «день» (когда солнце высоко) + wa (ПЕ ba) – суф. «вместилища». В 29–32 задействован один и тот же суф. освоенного пространства/вместилища we/wd/wa (ПЕ ba).

33. У kuŋe «месяц» – ПЕ qə:ŋ «рога» (из qə?ŋ). Явное отражение культа небесного быка, а также шумерского бога-месяца Нанны, который был в образе быка (в анау-бактрийской культуре существовал культ бога Нанны). В южных широтах месяц имеет форму рогов или «лодочки».

34. У piksz «веревка, канат» – ПЕ rəG/rə? «вить» + ПЕ si – пред. суф.

35. У kusŋz/kunŋz «звезда» – ПЕ qon «гореть, горячее вещество» (в кет. han «порох», кет. qontə, юг. xənti «зола») + ПЕ si – пред. суф.

36. У ?kakta/kdktд «два» (из «второй») – ПЕ qagde «догонять» (в кет.), qak-sin «спешить», ср. рус. счет «первый», «следующий» (= «второй») + ПЕ ta/tə – редкий пред. суф. (ср. кет. sa:ltə «мелкая щепка», при sal «резать», кот. љal «острый», ПЕ sa?ŋ – «острие, лезвие, острый»).

37. ФУ kolme/kulme «три» – ПЕ kol/kul «верхний, высокий, большой» (в ПЕ kuləm «крышка», пумп. kol-par «спина») + ma – редкий пред. суф., ср. ар. terma «слабо», itima «синий», ittima «желтый, зеленый».

38. ФУ kutte «шесть» – ПЕ qut «верхний, верх» (в юг. xutkej «наверху, вверху», хоткеj «впереди, впрядь»). В енисейстике ПЕ a?k «шесть» связывается с ПЕ L?k «лишний», «сверху добавленный» + ПЕ ta – редкий пред. суф.

39. ФП onta/ynta «тепло, жара» – ПЕ un «верхний, верх» (переходное значение «день, дневное время», когда солнце вверху и тепло) + ПЕ ta – редкий пред. суф.

40. ФУ towkz «весна, затоплять, подниматься (о воде)» – ПЕ ty «верхний, верховский, верховье», ПЕ tə? «верхний, верх» + ПЕ ka/ga/ke/ge «идти». Имеет место развитие «?» в «w».

41. У eskz «верить, думать» – ПЕ es «небо, бог, верх, верхнее, поверхность» + ПЕ ka/ga/ke/ge «идти, следовать».

42. ФВ таје «быть оглушенным, упасть без сил, терять сознание» – ПЕ da-jeŋ «болеть, умирать» (у кетов болезнь воспринималась как малая «смерть», когда шаман вылечивал), енис. глагол можно осмыслить как «вдаль/вовне» (da) + «идти» (jeŋ) («ŋ» – суф. инфинитива). Морфема da «большой, дальний, вдали» еще сохранилась в ар. dalaj «море» при laj «болото» («водоем»). В целом этот глагол – эвфемизм, семантическое соотношение «уходить, покидать, умирать» – обычно.

IV. Дуплетные образования. Один компонент совпадает в уральских и енисейских языках, а вторые – синонимичные, но разные.

43. У komz (rз) «ладонь», ПЕ koməl «рука, охапка» (в кот. hamal «охапка», кет. komlat «плечо»). В ПЕ «г» и «l» – суффиксы частей тела, ср. юг. fлгор «зоб», кЛгуг «кадык».

44. У ɲaŋkz «вкус, запах, пробовать на вкус, искать» – ПЕ в кот. ɲa:ŋ-pi «пробовать на вкус», кет. s'aŋbət «искать» (кот. pi, кет. bet «делать») + ПЕ kə (ŋ)/gə (ŋ) «делать», шум. kiŋ «работа» (ср. кот. urki, юг. igуу «мыть», иг «вода»).

45. ФВ kokz «целый, большой» – ПЕ qu:-jə «целый, весь», шум. gu «целый, весь», ПЕ qo «такой» (из «тот»), ПЕ qə?k «один» (одуш. кл.), qu-sa «один» (неодуш. кл.). ПЕ и У слова маркированы разными пред. суффиксами ka/ga и ja.

V. Усложненный дуплетизм. На дуплетную форму мн. ч. может наращиваться суффикс собирательности, совокупности, освоенного пространства.

46. ФП pesd pensd «сосна, сосна обыкновенная» – ПЕ pe-j «кедр, хвойное дерево» («j» – суф. ед. ч.). Значение «хвойное дерево» устанавливается по ар. im-phaj «кедр», где im «орех». Второй вариант уральского слова сильно напоминает кот. форму мн. ч. fep/phen «кедры», в юг. fiŋ «кедры». У -sd – суф. собирательности, совокупности, освоенного пространства, связанный с ПЕ полусуффиксом se-j, ПЕ se?-j «место», «вместилище» (ПЕ «j» – суф. ед. ч., ср. юг. se?j мн. ч. seŋniŋ).

47. ФУ kaŋka «сухое место» – ПЕ qe?s «песчаная отмель», мн. ч. qe-dheŋ («s» – суф. ед. ч., dheŋ – суф. мн. ч.). В ФУ слове задействована дуплетная форма с другим суффиксом мн. ч. «ŋ». На дуплетную форму мн. ч. наращен суффикс освоенного пространства ka.

VI. Аналоговое морфологическое образование.

48. У kije/kьje «змея» – ПЕ ki:n' «скопление червей, червь» в юг. kin «скопление червей», кет.

ki:n' «червь». В У представлена форма ед. числа, а в енис. языках – форма мн. ч. Альтернатива суффиксов такая же, как в случаях кет. ej «сосна» – en «сосны», юг. xoh:j «медведь» – xon «медведи», кот. hoŋ «червь» – hon «черви», ПЕ roj «пихта» – ron «пихты». В енисейских языках формы мн. ч. нередко функционируют как формы ед. ч. Ср. ПЕ kЛqəŋ «лисица» («n» – суф. мн. ч.) при шум. kaq «лиса», «гиена», нивх. kheq «лисица».

VII. Однокорневое происхождение.

49. У kalma «труп, могила», ПЕ в кот. kal-pi «хоронить» (pi «делать»). В У слове ma, видимо, суф. освоенного пространства. Кот. глагол можно связывать как с кет. qolləŋ/qol'əŋ «зола» (отражение обряда кремации; котты исторически были номадами), так и с кет. kulet «рыть» (отражение обряда ингумации).

VIII. Аналоговое семантическое образование.

50. ФП igene (ьгене) «медь», асс. baxus «медь». Оба слова возможно образовались по одной модели «огненный расплав/огненная жидкость». Причем все компоненты имеют енисейское происхождение. В асс. сложение ПЕ bə?k/bə?k «огонь, жарить, печь» + ПЕ u?us «жаркий, жар, плавить», «расплав», ср. такие енис. корни, как ПЕ təm/tom «вода, река» в пумп. thom «река», кет. tumet «озеро» и ПЕ təm/tom «тепло, жар, плавить». ФП слово можно осмыслить как сложение ПЕ ig/eg «жидкость, влага» (в асс. ьг «дождь», кот. eg «течка» в кот. kaŋeg «течка бобра», в ительменском kaŋku «бобры», кет. elat «месячные») + ПЕ qə?n «гореть», «горючее вещество».

В области фонетики интересны следующие явления.

1. ПЕ «s-» отражается в У, ФУ, ФП, ФВ в виде «s-», «ɲ-», «ɺ-», что указывает на протоенисейский тип фонетики. В ПЕ реконструируется только один спирант «-s». ПЕ «-s-» отражается как «-s/ɲ/ɺ/с/ж-», ср. У piksz «веревка, канат», косжз/коссз «длинный», кусжз/купжз «звезда», siŋz/sьŋz «чистый», ракьла «шишка, вздутие, нарост (на деревьях)», ФУ киъз «20», ФП pesd/pensd «сосна, сосна обыкновенная». Это наводит на мысль, что исторически могло существовать два и более протоенисейских диалектов, влиявших на уральские языки.

2. ПЕ «b-» отражается в У, ФУ, ФП, ФВ часто в виде «w-» и «m-», что также характерно для протоенисейской фонотактики.

3. Отражение ПЕ «?» в виде «w» в У, ФУ (ср. ФУ kawka «длинный», towkz «весна, затоплять, подниматься (о воде)») позволяет ставить вопрос о существовании в древности Tonesbund-a между уральскими и енисейскими языками.

4. В уральских языках ауслатный вокализм является автоматическим и поэтому нередко бывает очень сложно связать звуки e, d, a, z с енисей-

скими е/а «делать», а – комитатив, а – прич.-пред. суф. «тот, который» и т. д.

5. В прасамодийском енис. слова с анлаутными гортанными звуками «!» и «?» часто отражаются в виде «j-» и «k-», что характерно для ар. фонетики [3].

6. В праугорском енис. слова с анлаутным гортанным звуком также часто отражаются с анлаутным «j-», что характерно для ар. фонетики [1].

В заключение можно сказать, что существовал длительный языковой союз уральских, финно-угорских, финнопермских и финноволжских языков с какими-то параллельными енисейскими протоязыками, а праугорский и прасамодийский языки испытали воздействие каких-то древних параллельных языков, близких к аринскому, судя по фотактике.

Список литературы

1. Филимонов М. В. Енисейские ингредиенты в угорских языках и некоторые проблемы этногенеза угорских народов // Угры: мат-лы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 476–484.
2. Филимонов М. В. Енисейский и кето-шумерский анау-бактрийский ингредиенты в прауральском и проблема прауральской прародины (в защиту кельтеминарской гипотезы В. Н. Чернецова) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 284–287.
3. Филимонов М. В. Енисейский ингредиент в прасамодийском: фонологическое и морфологическое диагностирование: мат-лы II Международ. конф. по самодистике. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 234–244.
4. Филимонов М. В. Енисейско-самодийские связи: некоторые итоги и проблемы: мат-лы III Международ. науч. конф. по самодистике. Новосибирск, 2010. С. 240–246.
5. Филимонов М. В. Протоенисейский ингредиент в прауральском, прафинноугорском, прафиннопермском и прафинноволжском и некоторые проблемы древней истории уральских народов // XIV Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (19–23 апреля 2010 г.). Т. 2. Филология. Ч. 3. Актуальные проблемы изучения и методики преподавания иностранных языков. Томск, 2010. С. 73–80.
6. Старостин С. А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М., 1995. С. 176–315.
7. Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 2002. B. 1. 483 S. B. 3. 444 S.
8. Redei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Lieferung 1–7. Budapest, 1986–1988. 906 S.
9. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedischen Etymologien. Helsinki, 1977. 185 S.
10. Филимонов М. В. Очерки морфологии праенисейского существительного: вместилище, точка опоры, освоенное/дискретное пространство (суффиксы, полусуффиксы) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2002. Вып. 1. С. 55–58.
11. Филимонов М. В. Причастные суффиксы в протоенисейском // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2005. Вып. 4. С. 92–95.
12. Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Прасамодийская лексика материальной культуры: мат-лы III Международ. научн. конф. по самодистике. Новосибирск, 2010. С. 71–84.

Филимонов М. В., соискатель.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 15.12.2011.

M. V. Filimonov

YENISSEIC INGREDIENTS IN URALIC LANGUAGES: METHODOLOGICAL PROBLEMS OF GRAMMATICAL AND PHONOLOGICAL DIAGNOSING

In this paper the author analyses the cases of complete etymological explanation of Proto-Uralic, Proto-Finno-Ugric, Proto-Finno-Permic, Proto-Finno-Volgaic and Proto-Ugric words (morphological derivatives and compounds), grammatical and lexical doubling, complicated doubling, analogical grammatical derivation with etymological alternation of suffixes, as well as the cases of analogical semantic compounds and morphological derivatives. The author established some regular correlations on the level of parallel protolanguage phonology. The author also makes some considerations about ancient Yenissei-Uralic protolanguage alliances.

Key words: *etymology, doubling, suffix alternation, protolanguage, parallel protolanguage, analogical word-building, derivation.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.